

В. П. СТЕПАНОВ

ПОВЕСТЬ КАРАМЗИНА «ФРОЛ СИЛИН»

Маленькая прозаическая «пьеса» Карамзина «Фрол Силин, благодетельный человек» не воспринималась самим автором как произведение, в какой-то мере художественно значительное. Позднее, в «Вестнике Европы», пересказывая рецензию Коафье на французский перевод своих повестей, Карамзин писал: «Забавно еще то, что Коафье находит в „Наталье“ мармонтелевский рассказ и что он описание добрых дел Фрола Силина выдает также за повесть, conte, замечая, что „эта повесть не имеет достоинства «Натальи», ni son mouvement!“. Добрый Фрол, симбирский мужик, еще жив: не удивится ли он, что имя и дела его стали известны в Париже и в Германии».¹ Таким образом, значение «Фрола Силина» определялось для Карамзина не художественными достоинствами, и он прямо противопоставлял этот анекдот, «описание добрых дел», жанру повести, в которой, с его точки зрения, значительное место должен занимать элемент художественного вымысла — «сказкой» называл Карамзин даже «Марфу Посадницу».² Карамзин не включил «Фрола Силина» ни в одно из трех прижизненных изданий своих сочинений.

Анекдот, широко распространенный в русской литературе XVIII в., был тем не менее в глазах критики незаконным литературным жанром. Сборники анекдотов становились достоянием массовой литературы; в журналах анекдоты выносились в конце номера и являлись всего лишь развлекательным дополнением, зародышем будущего отдела «Смесь». Вместе с тем наблюдалась тенденция перерастания анекдота, по прямому

¹ Вестник Европы, 1802, ч. VII, № 3, стр. 231.

² Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития Св. Зосимы. В кн.: Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. II. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 227.

значению этого слова — «неизданное», в литературно обработанную повесть. Предание, устный рассказ прослеживаются в сюжетах целого ряда так называемых «справедливых», «полусправедливых», «истинных» повестей.

О том, что в жанровом отношении «Фрол Силин» находился на зыбкой грани между анекдотом и повестью, свидетельствует примечание Н. И. Греча к перепечатке этого произведения Карамзина в «Избранных местах из русских сочинений и переводов в прозе» (1812). «Напечатанная в сем собрании истинная повесть его (Карамзина, — В. С.) „Фрол Силин“ потому помещена в отделении вымышленных повестей, что рассказ ее совершенно романтический и она вообще более подходит к повестям, нежели к „Истории“, — пояснял он,³ прибегая к стилистическим аргументам, чтобы найти место «истинной» повести Карамзина в своей жанровой классификации, восходящей к нормативным поэтикам классицизма. По-видимому, Греч счел мистификацией не только свидетельство Карамзина в тексте повести, но и его примечание к ней при публикации произведений из «Московского журнала» в «Моих безделках» (1797): «...он (Фрол Силин, — В. С.) еще жив. Один из моих приятелей читал ему сию пиесу. Добрый старик плакал и говорил: „Я этого не стою, я этого не стою!“».⁴

Тем не менее указание Карамзина, что его герой, Фрол Силин, лицо реальное, подтверждается позднейшими свидетельствами. Когда М. П. Погодин, начиная работу над биографией Карамзина статьей «Н. М. Карамзин. Детство и первоначальное воспитание», привел описание голода в поволжских низовых губерниях из «Фрола Силина»,⁵ чтобы характеризовать мироощущение Карамзина-ребенка, правомерность использования художественного произведения в качестве биографического источника поддержал М. А. Дмитриев. Он сообщил Погодину, что «Фрол Силин, прославленный Карамзиным, был крестьянин села Троицкого, принадлежавшего фамилии Дмитриевых».⁶ Подробнее он прокомментировал рассказ Карамзина в полном варианте своих воспоминаний, ссылаясь, в частности, на родовые предания семейства Дмитриевых. Сделанное им описание личности Фрола Силина имеет, однако, некоторое несходство с версией Карамзина.

³ Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе... Изданы Н. Гречем. СПб., 1812, стр. 435.

⁴ Мои безделки, ч. I. М., 1797, стр. 98.

⁵ Москвитянин, 1846, № 3, отд. I, стр. 14—15.

⁶ М. П. Погодин. Несколько дополнительных известий к первой статье о Карамзине. Москвитянин, 1846, № 4, отд. I, стр. 115.

«Он был крестьянин моего деда Ивана Гавриловича Дмитриева, из деревни Ивановское, более известной под другим названием: Чекалино, в семи верстах от нынешнего моего села. Я знал Фрола Силина и помню, как теперь гляжу, его умное лицо, высокий рост, редкую седую бороду и красный нос, потому что он любил-таки выпить. Сколько раз, в моем детстве, он приносил мне меду только что вынутых сотов, потому что он был человек зажиточный. Приятель Карамзина, читавший Фролу Силину описание его добрых поступков, это мой дядя И. И. Дмитриев. Фролу Силину казалось чрезвычайно дико, что о нем написано в книге: как-то он не верил и думал, кажется, не шутят ли над ним и не читают ли наизусть, чего совсем не написано». Далее М. А. Дмитриев излагает «годную хоть в роман» историю рождения карамзинского героя, незаконнорожденного сына украденной разбойниками крестьянки, бежавшей от них, как говорили, «не без денег»; передает народные слухи о том, что сам Фрол Силин «был чуть ли не колдуном и знал какое-то слово, по которому его не трогали разбойники».⁷

Отказ Карамзина от романического сюжета, который предлагала ему действительность, и обращение к простому описанию добродетельных поступков человека, принадлежащего к низшему сословию, были подготовлены как литературной традицией второй половины XVIII в., так и начальными литературными опытами самого Карамзина.

В 1760-е годы, когда оформлялись основные представления о взаимоотношении сословий в феодальном государстве, наравне с социальными проблемами обсуждались вопросы морали и нравственности, рассматриваемые также в рамках сословной структуры. Разницу между дворянством и крестьянством видели не только в том, что дворяне созданы управлять, а крестьяне работать, но и в том, что «подлому» народу органически несвойственны высокие чувства и благородные побуждения. Даже Федор Эмин, занимавший в литературе этого времени достаточно демократическую позицию, знакомый с произведениями Руссо и подражавший ему в своих романах, писал в «Похождениях Мирамонда»: добродетельную женщину «мне кажется, между благородными скорее найти можно. Правда, что и между подлым народом многих женщин повиновение законам добродетельными творит, однако сия добродете-

⁷ М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869, стр. 68—70.

тель принужденная и от необходимой должности, а не от добродетельного произволения происходящая будет».⁸

Еще более определенно выразил ту же мысль глава русского литературного классицизма А. П. Сумароков в замечаниях на «Наказ»: «...наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет».⁹ Признавая, что дворянин невежественный, с точки зрения полезности, ничем не лучше крепостного крестьянина («а если не умней ум барский мужикова, так я различия не вижу никакова»),¹⁰ он не помышлял о возможности обратного соотношения и представлял себе крестьянина лишь как объект воспитания. «Возращение добродетели принадлежит начальникам и писателям; проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники за нее награждают... Чем вельможы просвещеннее и добродетельнее, тем более чистится и народ», — писал он в теоретической статье «О добродетели».¹¹ Именно в связи с господством такой точки зрения анонимный автор статьи «Речь о существе простого народа» в «Смеси», одном из наиболее резких сатирических журналов 1769 г. (скорее всего сам издатель — Л. И. Сичкарев), мог иронически сомневаться в том, что у простолюдинов есть добродетели, «затем что стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же как и кляче, на которой он пашет».¹²

В 1770—1780-е годы некоторая общая демократизация литературы, споры о некотором ограничении крепостного права в связи с деятельностью Комиссии по составлению Нового уложения, более глубокое усвоение идей западноевропейского Просвещения (в особенности идей Руссо) определили в литературе новое, более гуманное отношение к крестьянину.

Весьма важную роль играла в этом отношении идеология русского масонства, а в ее распространении — масонская журналистика.¹³

⁸ Непостоянная фортуна или Похождения Мирамонда, ч. II, изд. 3. СПб., 1792, стр. 93—94.

⁹ Сборник русского исторического общества, т. X. СПб., 1872, стр. 86.

¹⁰ А. П. Сумароков. О благородстве. Избранные произведения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1957, стр. 189.

¹¹ Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 342.

¹² Смесь, 1769, л. 25, стр. 195.

¹³ О социальных воззрениях русских масонов см. специальную главу в книге Г. В. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пгр., 1917). Вопрос об усвоении масонами взглядов Руссо ставится в новейшей работе Ю. М. Логмана «Руссо и русская культура

Не отрицая сложившийся сословный порядок, не выступая против крепостного права, масоны сосредоточили свое внимание на духовной жизни человеческой личности, и в ее нравственном преобразовании, в познании ею комплекса моральных правил — идеи бога — видели путь улучшения человеческого бытия.

«Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства — знания, — писал публицист «Московского ежемесячного издания». — Но, может быть, скажут покровители и защитники необделанной грубости, что мы видим весьма многих ученых, которые более предаются порокам, нежели самые грубые невежды... но сие не от наук происходит, но от невежества в науках».¹⁴

Масонская наука нравственности, которая, как считали сами масоны, не зависит от эрудиции и опытных данных, становилась доступной любому, даже и непросвещенному человеку, и все люди, независимо от сословной принадлежности, могли стать носителями этой высокой нравственности. Говоря о науке ложной и истинной, автор той же статьи противопоставляет ученому, «который учился, дабы показать себя и питать перед подобными себе гордость и тщеславие», другого, который «беспреданно учится единственно для снискания истины», «с великим смирением выслушивает мысли всякого... будучи совершенно уверен, что и последний мужик, ежели только чистое имеет сердце, может лучше истину чувствовать, нежели самый звездочет с развращенным сердцем».¹⁵

Промасонский журнал «Утренние часы» начинает публиковать переводные анекдоты о добродетелях незнатного люда. История о крестьянине, спасшем от пожара дом соседа, вводится программным пояснением, что «великость души бывает не только что между знатными от рождения, но часто сии благородные чувства находятся и в самых низких людях».¹⁶ В «Надгробной речи одному крестьянину, здесь помещенной,

XVIII в.» (сб. «Эпоха Просвещения». Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 245—249). Основные аспекты влияния масонской идеологии на творчество Карамзина рассматриваются в статье Н. Д. Кочетковой «Идейно-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII века и Н. М. Карамзин» («XVIII век», сб. 6. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 176—196).

¹⁴ Н. И. Новиков и его современники, стр. 206.

¹⁵ Там же, стр. 207. — Ср. в статье Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793) характеристику «просвещенного земледельца», которому, чтобы «мыслить здраво», нужно «только впечатлеть в душу некоторые правила, некоторые вечные истины» (Избранные сочинения, т. II, стр. 140).

¹⁶ Утренние часы, 1788, ч. I, стр. 126.

путешественник демонстративно противопоставляет своего героя историческим деятелям, прославленным знаменитыми французскими ораторами-проповедниками: «...ежели бы люди, прославляемые Боссюэтом, Флешьером, Маскароном и Невильелем, имели хотя сотую часть добродетели сего почтенного земледельца, то я бы им простил пустое и пышное их велеречие».¹⁷

Выбор «Деревенских вечеров» г-жи Жанлис для перевода в «Детском чтении», когда Карамзин и А. А. Петров становятся фактическими редакторами журнала, свидетельствует, что молодым масонам-литераторам было не чуждо понимание добродетели во внесловном истолковании.

Книга Жанлис, разделенная Карамзиным на отдельные повести, представляла скорее пособие для родителей, чем нравоучительное чтение для воспитанников, и ставила вопросы, которые могли волновать и современную Карамзину русскую интеллигенцию. Новеллы, насыщенные сведениями о различных странах и народах, нравоучительные исторические анекдоты и рассказы с моралью связывались рассуждениями г-жи Добролюбовой, представлявшей детям различные аспекты добродетели и добродетельного поведения. В этих разговорах затрагивался и вопрос об отношении к крестьянам (для русского читателя — об отношении будущих помещиков к своим крепостным).

Г-жа Добролюбова учит своих детей уважению к крестьянам, объясняя, что «добрые эти люди живут в бедности и отправляют тяжкую работу, для того чтобы мы спокойно питались их трудами... Кто презирает крестьянина, тот недостоин питаться хлебом».¹⁸ В духе поверхностного руссоизма описываются крестьяне, с которыми она любит разговаривать, чего она не запрещает и детям, ибо «у крестьянина, всегда какою-нибудь работою занимающегося, удаленного от городов и развратительных прамиров, вкус бывает простой и неспорченный, а нрав добрый; в нем беспрепятственно возрастают те добродетели, которых семя от природы вливается в сердца наши».¹⁹ Крестьянин выступает как наиболее показательный пример добродетели низших сословий.

В повести «Благодеяние» речь идет о злободневном для России этих лет вопросе личной благотворительности: «О вы,

¹⁷ Там же, ч. II, стр. 193.

¹⁸ Детское чтение, 1785, ч. III, стр. 25. — Ср. у Карамзина «Письма сельского жителя» (1802): «...с сего времени мне кажется, что добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого и полезнейший гражданин в обществе».

¹⁹ Детское чтение, 1787, ч. IX, стр. 99.

наделенные в избытке благами мира сего! будьте милостивы к бедным и докажите благодеяниями своими, что вы любите человечество», — восклицает автор.²⁰ Другие беседы г-жи Добролюбовой с детьми поясняют, что этот призыв относится не только к богатым. Проявлением высшей добродетели является благодетельность бедных. Как объясняется, «богатый благодетель подает с большим шумом, а бедный с большим удовольствием»;²¹ тот отказывается от одних суетных излишеств — «такая жертва не важна, а очень блестяща: она прославляет его и возбуждает к нему во всех почтение. Он без сомнения счастлив и достоин быть таковым. Но счастье бедного благотворителя стократно более его счастья»,²² так как он не ищет «ни похвал, ни одобрения других людей; одна религия и любовь к человечеству управляют им».²³

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторыми сторонами русский перевод повестей Жанлис соприкасался с мыслями, развиваемыми русской масонской журналистикой, или, по крайней мере, не противоречил им и что затронутые в них вопросы предопределили карамзинскую интерпретацию поступков действительно существовавшего крестьянина Фрола Силина.

Однако конкретное обращение Карамзина к теме филантропии, которая так занимала масонов, именно в тот момент, когда он порывает свои связи с масонской организацией, требует также некоторых пояснений биографического характера.

Программа «Московского журнала», где Карамзин заявлял, что он отказывается печатать «теологические, мистические, слишком ученые, педантические сухие статьи», вызвала резкое изменение отношений его с людьми, до сих пор близкими. «Все, кого он удостоил своим визитом, поссорились с ним с момента его прихода», — свидетельствовал М. И. Багрянский в письме к А. М. Кутузову от 29 января 1791 г.,²⁴ вскоре после выхода 1-й книжки журнала с началом «Писем русского путешественника». Бывшие единомышленники, кроме упреков в отступничестве, предъявляют Карамзину обвинения в антипатриотизме и делают попытки дискредитировать его как писа-

²⁰ Там же, 1788, ч. XV, стр. 96.

²¹ Там же, 1787, ч. IX, стр. 178.

²² Там же, стр. 179.

²³ Там же, стр. 181.

²⁴ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в., Пгр., 1915, стр. 86.

теля. «Все, что касается отечества, трактуется с презрением и несправедливостью, поистине вопиющей. Обо всем, что касается до чужих стран, говорится с экстазом», — излагал свои впечатления от путевого журнала Карамзина М. И. Багрянский в том же письме к А. М. Кутузову в Берлин.²⁵ Ему же Н. Н. Трубецкой сообщал: «...чужие краи, надув его (Карамзина, — В. С.) гордостью, сделали, что он теперь никуда не годится... Быв еще почти ребенок, он дерзнул предложить свои сочинения публике и вздумал, что он уже автор и что он в числе великих писателей в нашем отечестве», — и подчеркивал, что этот отзыв совпадает с мнением публики о Карамзине.²⁶

Начиная новое для себя и в русских условиях экономически ненадежное литературное предприятие, Карамзин оказался в конфликте с людьми, имевшими в это время еще большое влияние на литературу и общественное мнение. Несмотря на поддержку М. М. Хераскова и, особенно, Г. Р. Державина, изоляция, угрожавшая Карамзину в Москве, заставляла его быть осторожным. «Московский журнал» выделяется на фоне русской журналистики XVIII в. явным нежеланием вступать в полемику, и, кроме замечания о «мистических» сочинениях, в нем не содержится никаких иных выпадов против масонства. К сдержанности Карамзина обязывали не только его личные дружеские отношения к некоторым из масонов, но и неполное отрицание масонской программы, особенно в ее практической части.

Позднее, вспоминая о своем масонском прошлом, Карамзин объяснял, что «оставил общество Новикова, не найдя той цели, которой ожидал»,²⁷ или, как он более четко сформулировал ту же мысль в письме к А. И. Тургеневу: «всё слова, а дела мало».²⁸ Все же в масонской среде кружок Новикова был ему ближе, нежели другие группировки.

Именно с Новиковым связывают Карамзина устные предания XIX в. и его собственные воспоминания о юности. Издательская и филантропическая деятельность новиковского кружка не могла не быть «делом» в глазах Карамзина. Это он подчеркнул и в официальной «Записке о Н. И. Новикове»

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 94. Письмо от 20 февраля 1791.

²⁷ М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, стр. 58.

²⁸ Отзыв о беседе с преобразователем масонских лож в Петербурге Феслером в письме от марта 1811 г. (Русская старина, 1899, № 1, стр. 234).

(1818),²⁹ и в рассказе Д. Н. Блудову о собраниях в доме Новикова.

В записи П. И. Бартенева этот эпизод ошибочно отнесен к 1790 г. «Карамзин помнил — записывает П. И. Бартенев, — как в заседаниях общества Новиков всходил на кафедру и одушевлял членов собрания, несмотря на разность сословий и образования. Около 1790 г. в Москве был страшный голод. В филантропическом слове своем об этом бедствии, в одном из заседаний, Новиков был так красноречив и убедителен, что один слушатель, богатый человек Походяшин, тут же, в заседании, подошел к нему и что-то сказал на ухо. После открылось, что он отдавал в пользу бедных все свое имущество. На его деньги Новиков открыл даровую раздачу хлеба немущим и тем обратил на себя взоры правительства. Не знали, откуда он брал деньги для этого. Но Карамзин, лично присутствовавший в том заседании, легко догадывался об источнике».³⁰

Запомнившееся Карамзину заседание было тем самым собранием в начале зимы 1787 г., о котором Новиков сообщал в своих показаниях Тайной экспедиции: «...быв в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, была я чрезвычайно сильно тем тронут; натурально, что и рассказывал я случившимся у меня приятелям, в числе коих был и г. Походяшин, о моей поездке в живых выражениях».³¹

С Типографической компанией, через которую велась благотворительная деятельность, Карамзина связывал документ о закладе в Опекунский совет части ее имущества, который он подписал по просьбе Новикова в 1787 г.³² Типографическая компания и арендуемая Новиковым типография Московского университета были издательской базой, на которую мог рассчитывать Карамзин, возвращаясь из-за границы со сложившимся замыслом журнала и твердой готовностью издавать его. Однако к моменту приезда Карамзина в Россию ситуация в Москве изменилась. Дела Типографической компании были запутаны; еще в 1789 г. была отобрана у Новикова университетская типография, большое количество уже изданных книг оставались нераспроданными; члены Компании выражали недо-

²⁹ «Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность» (Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. II, стр. 231—233).

³⁰ М. Цявловский. Из пушкинианы П. И. Бартенева. Летописи Государственного литературного музея, т. I, М., стр. 545.

³¹ Сборник ОРЯС Академии наук, 1870, т. VII, вып. 4, стр. 144—145.

³² См.: Сборник ОРЯС, стр. 141; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 79.

вольство направлением издательской деятельности и состоянием финансов.³³ Внутренние трудности усугубляются начатой правительством подготовкой к уничтожению масонских лож: для этого в феврале 1790 г. Екатерина назначает в Москву «главнокомандующим» А. А. Прозоровского. Резко ухудшается отношение общества к масонам.

Обо всем этом Карамзин должен был узнать уже во время трехнедельного пребывания в Петербурге от Ивана Ивановича и Александра Ивановича Дмитриевых и Державина, с которыми познакомился в это же время. Рассказы о бедственном положении предприятия Новикова, вызванном в значительной степени расходами на благотворительность, могли заставить Дмитриевых между известиями о симбирских знакомых и родственниках вспомнить и о собственном крепостном крестьянине Фроле Силине.³⁴ «По особливому случаю и в отдалении узнал я дела твои; живя близ тебя, я не знал их», — отметил Карамзин в тексте повести.

Ритм литературной работы Карамзина во время издания «Московского журнала» определялся жесткими сроками выхода очередных книжек. Все, что переводилось и сочинялось, попадало в ближайшие номера, так что обработку сюжета следует отнести к более позднему времени. К июлю 1791 г., когда печаталась седьмая книжка с «Фролом Силиным», дипломатичное поведение Карамзина достигает цели и личные отношения его с московскими знакомыми постепенно смягчаются. В обстановке усиливавшегося преследования масонов он не примкнул к партии Прозоровского и не только занял лояльную позицию в отношении преследуемых, но и пытался опровергнуть мнение, впервые высказанное А. И. Плещеевой в письме к А. М. Кутузову, что Карамзин вернулся не таким, как уехал.³⁵ Уже А. А. Плещеев в письме, посланном одновременно с письмом жены, но написанном на следующий день, как бы возражал ей: «...он (Карамзин, — В. С.), кажется мне, таков же возвратился из своего путешествия, каков и по-

³³ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов, стр. 36, 189—190.

³⁴ Дмитриев не упоминает о своем свидании с Карамзиным во время поездки в имение зимой 1788/89 г. Следующее, после августа 1790 г., их свидание в Москве состоялось в конце лета 1791 г., когда «Фрол Силин» был уже опубликован. Письма Карамзина этого времени к другим лицам не содержат упоминаний об этом сюжете (см.: И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II. СПб., 1893, стр. 33; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 23—24).

³⁵ См.: Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов, стр. 28—30. Письмо от 10 ноября 1790 г.

ехал».³⁶ Соглашая оба мнения, Карамзин уклончиво приписал вслед: «...если я переменялся, то, по крайней мере, не в любви моей к вам. В другое время поговорим более...».³⁷

В письмах таких близких Карамзину людей, как Плещеевы, под «изменением» подразумевалось нравственное изменение: «...он совсем другой и, что всего еще хуже, что он сам думает, что он теперь лучше, нежели был. Уверяет меня, что он нас так же любит, как и любил; но я не слепа; в нем уже нет той нежности, которую душою дружбы почесть можно», — писала в Берлин А. И. Плещеева.³⁸ Карамзин опровергал это не только своим поведением в Москве. В воспоминаниях об А. А. Петрове — «Цветок на гроб моего Агатона» (1793), включающих ряд автобиографических подробностей, говоря о своем возвращении из заграничного путешествия, он вновь вспомнил о полемике, отразившейся в частной переписке 1790—1791 гг.: «...наконец я возвратился (тот же, каков поехал; только с некоторыми новыми опытами, с некоторыми новыми знаниями, с живейшею способностью чувствовать красоты физического и нравственного мира)...».³⁹ Ранее, в 1792 г., он опубликовал стихотворение «К Милости», содержавшее, хотя и завуалированно, просьбу к Екатерине смягчить участь Новикова. В 1791 г. публикация «Фрола Силина», апофеоза благотворительности, предшествовала окончательному распаду Типографической компании: акт о ее ликвидации, изъятии компаньонами Новикова вложенных в дело средств, а фактически о выкупе Новиковым типографского имущества (опять-таки с помощью Г. М. Походяшина) был подписан в ноябре месяце.⁴⁰ Скорее всего именно на «Фрола Силина» обращал Карамзин внимание А. М. Кутузова, указывая в письме от 2 августа, что он в Москве «аплодирует добрым делам и добрым людям».⁴¹ Карамзин приветствовал бескорыстную благотворительность простого крестьянина в такое время, когда филантропическая деятельность вообще вызывала серьезное подозрение у Екатерины II, а в Москве распространялись слухи о нечестных источниках доходов Новикова.

Выступление Карамзина с нейтральным внешне, но по существу, в преддверии новиковского процесса, весьма злобо-

³⁶ Там же, стр. 30.

³⁷ Там же, стр. 30—31.

³⁸ Там же, стр. 29.

³⁹ Н. М. Карамзин, Сочинения. Изд. 3, т. VII. М., 1820, стр. 8.

⁴⁰ Материалы о преследовании Новикова. В кн.: Н. И. Новиков, Избранные сочинения. М.—Л., 1951, стр. 588—589, 666—670.

⁴¹ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов, стр. 148.

дневным в отношении к правительственной политике анекдотом является еще одним свидетельством того, что его связи с русским масонством не обрываются в 1790 г. Бывшим «братьям» по масонству оно должно было показать, что, отвергая теософские поиски, Карамзин принимает практическую программу их общественной деятельности. Представление о личной благотворительности как общественной добродетели, разумеется вне рамок тайной масонской организации, становится весьма существенной чертой философии жизни зрелого Карамзина; в петербургский период это побуждает его к постоянным хлопотам о делах людей, мало или совсем ему незнакомых. Оправдания Карамзина, вообще не склонного к публичным объяснениям, перед друзьями не были полностью тактическим приемом. Они также отражали его искреннее недоумение по поводу возникавших расхождений, ибо главное — нравственный идеал Карамзина, сформировавшийся в 1780-е годы, — осталось неизменным.

Пропаганду филантропии и добродетели Карамзин продолжал в «Вестнике Европы», помещая здесь как присланные подписчиками, так и им самим рассказанные анекдоты. В «Письме из Т.» («Русская честность») — излагалась целая программа патриотического сборника анекдотов о добродетелях русских людей. «Не странно ли видеть, — писал корреспондент, — в русских книгах, издаваемых для детей, все примеры честности и бескорыстия, выбранные из иностранных ведомостей и журналов, не русские... и мы виноваты в том, что сие время не имеет собрания истинных анекдотов русской народной добродетели, которое могло бы обезоружить мизантропов. Я не принял бы в такое собрание ничего вымышленного, неверного: одна истина прелестна и сама собою».⁴² В «Письме издателю из Тулы» подчеркивается, что корреспонденту всегда приятно узнавать «добрые дела наших земледельцев, основанные на благородных движениях сердца, вопреки их так называемому низкому состоянию».⁴³

Два анекдота самого издателя повествуют о фактах, которым имеются аналогии в его раннем творчестве. История нищей Маланьи варьирует распространенный в сборниках анекдотов сюжет о слуге, который содержит обедневшего господина. С ним Карамзин встречался при переводе повести Жанлис «Медник». Заключается анекдот противопоставлением, по смыслу повторяющим зачин «Фрола Силина»: «... оно (имя Маланьи, — В. С.) для меня гораздо важнее Клеопатрина,

⁴² Вестник Европы, 1802, ч. III, № 10, стр. 139.

⁴³ Там же, ч. V, стр. 39.

хотя я очень люблю историю».⁴⁴ Герой второго анекдота — «редкий благотворительный человек» из подмосковной деревни Татарово — «крестьянин — не более... спросите о нем в деревне: всякий укажет вам на прекрасную новую избу, которая лучше всех других. Он разбогател от продажи белого камня, нанимает 20 работников и раздает множество денег, говоря „дай в окно, бог пошлет в подворотню“».⁴⁵ После пожара он, как и Фрол Силин, кормит погоревших и помогает им обстроиться. Если в «Московском журнале» Карамзин ставил благодетельного человека, «доброто из человечества» (в «Моих безделках» выражение уточнялось: «доброто гения человечества»), на одну ступень с «великими мужами», похороненными в Вестминстерском аббатстве, то и теперь эти качества остаются для него особым и загадочным даром: «...мы часто любопытствуем знать, как гении образуются: не менее любопытно знать и то, как образуется благотворительность в сердце. Сей крестьянин не учился ничему, кроме добродетели; но кто же был его наставником?».⁴⁶

«Фрол Силин, благодетельный человек» вызвал большое количество подражаний, авторы которых, однако, развивали лишь один аспект темы, поднятой Карамзиным, — показать на конкретных примерах добродетель русского народа, который в нравственном отношении ни в чем не уступает иностранцам.⁴⁷ В «Приятном и полезном препровождении времени» В. С. Подшивалова появился «Русский извозчик» И. Запольского с прямой ссылкой на карамзинскую повесть как образец такого рода сочинений. А. И. Клушин вводит в «Санкт-Петербургском Меркурии» отдел «Русские анекдоты»; в «Русском вестнике» этот жанр пропагандирует С. Н. Глинка, и после него так называемый русский анекдот становится непременной принадлежностью журналов, а отсюда переходит в специальные сборники.⁴⁸

Значение Карамзина как зачинателя в данном случае отчетливо осознавалось современниками. «Вы доказываете любовь свою к отечеству, извещая публику о действиях, нравах и жизни людей, ему принадлежащих и поистине заслуживаю-

⁴⁴ Там же, 1803, ч. XII, № 23—24, стр. 273.

⁴⁵ Там же, стр. 274.

⁴⁶ Там же, стр. 274.

⁴⁷ Список подражаний см. в книге В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа» (т. I, ч. 2, СПб., 1910, стр. 737—739).

⁴⁸ Почти полный репертуар анекдотов, печатавшихся в журналах, дают «Анекдоты и достопамятные деяния великих и славных мужей...» (СПб., 1808), «Анекдоты русские...» (чч. 1—2, СПб., 1809), «Русские анекдоты...» изданные С. Глинкою (чч. 1—2, М., 1811).

щих внимание друзей человечества», — писал Карамзину украинский подписчик на «Вестник Европы». ⁴⁹ И. И. Дмитриев рекомендовал издателю «Московского зрителя»: «Последуйте примеру Карамзина и Каченовского; будьте ходатаем за несчастных; разбуджайте чувствительность сограждан. Если вздох страждущего человечества не всегда доходит до высоких палат; если журнал ваш не попадет на мраморные каминны, по крайней мере он будет в руках доброго поселянина, и вы доставите ему случай быть по мере сил его благотворителем». ⁵⁰ В то же время из этих отзывов видно, что уже в 1800-е годы были забыты и конкретные условия появления в печати «Фрола Силина», и связь этого произведения со специфической общественной практикой масонства в 1780-е годы. Повесть же продолжала оставаться известной широкому читателю. Будучи включена Н. И. Гречем в состав первого издания «Учебной книги», а затем напечатана в смирдинском издании Сочинений Карамзина, она попала в круг обязательного чтения учащихся. О широком знакомстве с повестью, как и об ироническом ее восприятии в 1840-е годы, что, впрочем, было характерно в это время и по отношению ко всему художественному творчеству Карамзина, упоминается в мемуарах В. Р. Зотова. ⁵¹ Серьезные историко-литературные отзывы о ней появляются одновременно с попытками критического осмысления значения деятельности Карамзина, и все они проецируют повесть на современное изображение крестьянства в литературе. Образ Фрола Силина в широкой исторической перспективе и на фоне произведений натуральной школы воспринимался как сознательная идеализация русского крестьянина.

Именно такое толкование дает ему Ф. М. Достоевский в «Селе Степанчикове», заставляя Фому Опискина произнести апологию «Фролу Силину». В отрывке, заостренном против славянофильского толкования народного характера и построенном на перифразах повести, Фрол Силин, «сельский мудрец», «преисполненный добродетелями», «довольный, неропшущий», «равнодушный к золоту богача», противопоставлен как воспитательный пример реальному мужику, который «выскочил из

⁴⁹ Вестник Европы, 1803, ч. XI, № 21—22, стр. 88.

⁵⁰ Письмо к издателю журнала «Московский зритель» (1805). В кн.: И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, СПб., 1893, стр. 175.

⁵¹ См.: Исторический вестник, 1890, № 5, стр. 315. — Характерно и более раннее скептическое замечание об образе Фрола Силина в басне А. П. Бенитцкого «Бык и овца» (1807): «Коль на кого судьба оковы Чугунные взвалит, тому везде Златые правила готовы; Рука же помощи — нигде... Сенсую сыщешь завсегда, А Фрола Силина, поверьте, никогда!».

кабака и бежит по улице в растерзанном виде». В оценке Фомы повесть Карамзина — «это высокий эпос! это произведение чисто народное».⁵² Достоевский воспринимал повесть на фоне позднейшего тенденциозного анекдота и консервативной литературы, предназначенной для простонародья,⁵³ и, главное, толковал ее, учитывая более поздние высказывания Карамзина о крестьянстве. Пожелание Фомы, чтобы изобразили, как «селянин и вельможа, столь разьединенные на ступенях общества, соединяются, наконец, в добродетелях»,⁵⁴ созвучно рассуждению в «Разговоре о счастье» (1797), что счастье доступно каждому, кто имеет доброе имя, покойную совесть, любит родных и друзей: «вот истинное благополучие, которое соединяет всех людей; которое царю и земледельцу дает чувствовать, что они братья».⁵⁵ Давая оценку повести словами заведомо комического персонажа, Достоевский обращает свою иронию не на Карамзина. Рассуждения Фомы Опискина пародировали «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Образ Фрола Силина появляется у Достоевского как пример полного непонимания мужика и как начало тенденции, завершившейся «Письмом русскому помещику» и «Письмом о суде и расправе», рецепты которых совпадали с практическими советами Карамзина в «Письме сельского жителя». Эту же аналогию между Карамзиным и Гоголем нарочито отметил Добролюбов, воспользовавшись тем же самым примером, чтобы подчеркнуть неполное проникновение Гоголя в «тайну русской народности». «Он захотел представить идеалы, которых нигде не мог найти, — писал критик об эволюции Гоголя от первого ко второму тому «Мертвых душ». — Он, не в состоянии будучи шагнуть через Пушкина до Державина, шагнул назад до Карамзина: его Муразов есть повторение Фрола Силина, благодетельного крестьянина, его Уленька — бледная копия с бедной Лизы».⁵⁶

Обращаясь к повести Карамзина, полемисты 1850-х годов интуитивно угадывали замысел Карамзина изобразить крестьянина, соответствовавшего идеальным представлениям о нем.

⁵² Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, т. II. Л., 1926, стр. 355.

⁵³ Об идейной направленности указанного выше сборника анекдотов, изданного С. Н. Глинкой, см. статью Н. Барсукова «Анекдот и его политическая роль» (Натиск, 1935, № 4—5, стр. 89—96).

⁵⁴ Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, т. II, стр. 355.

⁵⁵ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. VII. Изд. 3. М., 1820, стр. 177—178.

⁵⁶ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 1. Л., 1934, стр. 237.

Сравнивая воспоминания М. А. Дмитриева с рассказом Карамзина, мы видим, как писатель отбрасывал подробности, нарушающие последовательность собственного идейного построения. Источником зажиточности Фрола Силина становятся не деньги, похищенные у разбойников, а его собственные трудолюбие и предусмотрительность. Фрол Силин, не поверивший, что о нем могли написать в книге, у Карамзина превращается в сельского философа, который, подняв глаза к небу, заявляет, что он этого не стоит. Косвенным подтверждением замысла Карамзина служит и замечание Филалета о счастливейшем состоянии «независимого земледельца» в «Разговоре о счастии» (1797), что «по теперешнему состоянию гражданских обществ, едва ли не напрасно будем искать таких земледельцев».⁵⁷

Во «Фроле Силине», анекдоте о крепостном крестьянине, крепостное право упоминается лишь косвенно и только в нравственном аспекте: Фрол выкупает на волю двух крепостных девок и дает им возможность свободно выйти замуж. Вольно интерпретируя жизненный материал, Карамзин создает не столько художественное, сколько публицистическое произведение.

«Фрол Силин, благодетельный человек» явился в творчестве Карамзина первым звеном цикла, посвященного крестьянам. Впоследствии были написаны «Нежность дружбы в низком состоянии», также анекдот, и «Бедная Лиза», где на основе реального (или под видом реального) происшествия провозглашалось, что крестьянки «любить умеют».

Личная благотворительность, дружба, любовь — эти качества особенно высоко ценились среди «молодых идеалистов» (по определению В. В. Сиповского) конца XVIII в. и составляли основу «практической философии», изложенной в «Разговоре о счастии». Указанными выше произведениями Карамзин распространял сферу действия этой «естественной», нравственной философии и на век Просвещения, век человеколюбия, век Новикова и Руссо. Изменились обстоятельства, «утешительные системы» разрушились в своем основании. Ученик вступал в новую эпоху и, с трепетом глядя в будущее, сердцем невольно обращался к прошлому: «XVIII век кончается, и несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки».⁵⁸

⁵⁷ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. VII, стр. 185.

⁵⁸ Эти «выстраданные строки» Карамзина вошли в предисловие к «Письмам с того берега» Герцена (А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. VI. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 10).